

УДК-321.1:341.231:342.325

ЯЗЫКОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ФЕДЕРАЦИЯХ*

Н. В. Борисова¹

Борьба за право говорить на родном языке и использовать его широко во всех сферах жизнедеятельности общества обусловлена проблемой выживания его носителей, когда свое «языковое положение» они воспринимают как дискриминируемое. Это делает язык политически значимым и отсылает нас к исследовательской проблеме поиска баланса между требованием этнической группой территориальной автономии и сохранением территориальной целостности государства. Способом разрешения этой проблемы в случае государств с федеративным устройством оказывается их территориально-административное реформатирование: выделение новых штатов, изменение границ, объема и масштаба преференций для отдельных субъектов федерации, получающих фактически статус этнической территориальной автономии. Частью этих мер является и языковая преференциальная политика, институционализация которой воплощается в формировании и функционировании различных по силе языковых территориальных режимов как значимых элементов этнических территориальных автономий. В статье верифицирована идея о типах языковых территориальных режимов на примере отдельных этнических территориальных автономий в пяти федерациях, сформированных по этническому принципу (Валлония и Фландрия в Бельгии, Квебек в Канаде, Сербская Республика и Федерация Боснии и Герцеговины в Боснии и Герцеговине, Андхра Прадеш и Телангана в Индии, Юра в Швейцарии).

Ключевые слова: языковая преференциальная политика; языковой территориальный режим; этническая территориальная автономия; этническая федерация.

Язык является не просто средством коммуникации и инструментом, обеспечивающим доступ к определенной культуре [35], но играет ключевую роль

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00034).

¹ Борисова Надежда Владимировна кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: borisova_nv@psu.ru

самоидентификации индивида и формировании групповой идентичности, которая «формируется посредством практик и систем взаимодействия индивида и государства, личности и власти» [26, 287]. При этом, политологи, специализирующиеся в области изучения языка и языковой политики характеризуют язык как феномен политики [23; 24; 26; 33]. С точки зрения Э. Лиу политическая роль языка проявляется и в том, что он – (фактически) источник национального единства и инструмент для конструирования политического сообщества [33, 8]. А. Карла объясняет связь политики и языка тем, что «язык является инструментом мобилизации» [26, 287]. Р. Брубейкер объясняет политичность языка тем, что он «является универсальным и всеобъемлющим средством социальной жизни и составляет непосредственную среду общественного дискурса, правительства, администрации, права, судов, образования, медиа, топонимики» [24]. При этом, вслед за Р. Брубейкером, Н. Борманн, Л. Цедерман и М. Вогт указывают на то, что язык по сравнению с религией играет более значимую роль в развертывании этнических конфликтов, поскольку языковые различия лучше (проще) осознаются индивидом, особенно в случаях, если этническая идентичность основывается на лингвистической [23, 5].

Борьба за язык (как борьба за право говорить на нем и использовать его широко во всех сферах жизнедеятельности общества) обусловлена проблемой выживания его носителей, когда свое «языковое положение» они воспринимают как дискриминируемое. Такая логика объяснения политической значимости языка отсылает нас к исследовательской проблеме поиска баланса между требованием этнической группой территориальной автономии и сохранением территориальной целостности государства. Способом разрешения этой проблемы в случае государств с федеративным устройством оказывается их территориально-административное реформатирование: выделение новых штатов, изменение границ, изменение объема и масштаба преференций для отдельных субъектов федерации, получающих фактически статус этнической территориальной автономии (ЭТА). Частью этих мер является и языковая преференциальная политика.

Институционализация языковой преференциальной политики формирует (устанавливает) языковой территориальный режим (ЯТР) как элемент ЭТА. Характеризуя институциональное оформление языковой политики и особенности языкового режима в Квебеке, Р. Брубейкер использует понятие «языковой территориальный режим» [24, 9]. Однако определения этому понятию автор не дает. В качестве рабочего в настоящей статье предлагается использовать следующее определение ЯТР: «ЯТР представляет собой систему специальных институциональных соглашений по вопросам использования языка, которые устанавливают образцы взаимодействий между членами регионального (территориаль-

ного) сообщества» [22]. Аренами приложения языковой политики выступают, прежде всего, публично-правовая сфера, система образования и масс-медиа. Глубина и универсальность регулирования вопросов использования языка в этих сферах может быть разной¹. Комбинация арен и масштаб регулирования практик языкового взаимодействия и поведения на них позволяют различать «сильные» и «слабые» режимы, а также «промежуточные» формы (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы языковых территориальных режимов

Три арены приложения языковой преференциальной политики	Глубина и универсальность языковой политики		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Система образования	Образование ведется на языке титульной группы ЭТА на всех ступенях на всей территории	Образование ведется на языке титульной группы ЭТА в начальной и средней школе; сосуществуют несколько моделей билингвального обучения	Язык титульной группы ЭТА преподаётся как предмет факультативно на любой из ступеней обучения
Политико-правовая сфера	Язык титульной группы ЭТА имеет статус официального языка (равного), признанный национальной конституцией и региональным статусом; используется всеми органами власти на всех уровнях, включая судопроизводство и охрану правопорядка.	Язык титульной группы ЭТА имеет статус официального регионального языка; используются всеми органами власти, включая судопроизводство и охрану правопорядка.	Язык титульной группы ЭТА не имеет статус официального регионального языка <i>или</i> имеет статус официального регионального языка, но используется только в делопроизводстве

¹ Данная типология была предложена в соавторстве с К.А.Сулимовым в рамках доклада «The Institutionalization of Language Policy in Polylingual Ethnic Territorial Autonomies», представленного на Всемирном конвенте Ассоциации по изучению национализма (The Association for the study of Nationalities 2016 World Convention) в г. Нью-Йорке (США) в апреле 2016 г.

Окончание табл. 1

Три арены при- ложения языко- вой преференци- альной политики	Глубина и универсальность языковой политики		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Масс-медиа и публичное пространство	Региональное правительство финансирует медийное вещание на языке титульной группы ЭТА, определяя долю программ, выходящих на этом языке; обязательное название и написание топонимов на языке титульной группы ЭТА	Региональное правительство определяет только долю программ, выходящих на этом языке титульной группы ЭТА; название и написание топонимов на языке титульной группы опционально	Региональное правительство не регулирует языковые аспекты медийного вещания в рамках ЭТА; возможно, но не обязательно вещание на языке ЭТА как частная инициатива; название и написание топонимов на языке титульной группы отсутствует
Форма ЯТР	«Сильный ЯТР»	«Средний по силе» ЯТР	«Слабый ЯТР»

В данной статье предпринята попытка протестировать предложенную рабочую типологию ЯТР на примере отдельных ЭТА в 5 федерациях, сформированных по этническому принципу (Валлония и Фландрия в Бельгии, Квебек в Канаде, Сербская Республика и Федерация Боснии и Герцеговины в Боснии и Герцеговине (БиГ), Андхра Прадеш и Телангана в Индии, Юра в Швейцарии. Эти федерации из всего большого набора «этнических» федераций выбраны, исходя из нескольких соображений. Во-первых, Бельгия и БиГ, в соответствии с классификацией Л.Андерсон, являются полными этническими федерациями, в то время как Канада, Индия и Швейцария «частичными этническими федерациями» [18]. Во-вторых, эти исследуемые случаи являются примерами этнических федераций, расположенных как в Западной Европе, где формирование институтов power-sharing было сопряжено с генезисом институтов демократии в сложноустроенных обществах (Швейцария, Бельгия), так и за ее пределами (на Балканах, в Америке и Азии), появление этнических федераций было обусловлено постколониальным развитием (БиГ, Канада, Индия). В-третьих, среди отобранных для анализа ЭТА есть как выделенные/ переформатированные специальным образом по языковому принципу и в результате специальных языковых требований (Юра в Швейцарии и Андхра Прадеш / Телангана в Индии), так

и те автономные регионы, которые на протяжении своей истории не изменяли своих границ в связи с «борьбой за язык» (Квебек в Канаде, Валлония и Фландрия в Бельгии).

Настоящее исследование выполнено на основе сравнительного анализа восьми ЭТА в пяти федерациях. Данные собраны и проанализированы в рамках исследовательского проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (грант РФФИ № 15-18-00034). В ходе реализации проекта была создана база данных, которая содержит информацию по 105 ЭТА из 30 стран мира. Ее принципиальное отличие от иных подобных баз заключается в том, что в нее включены и закодированы в т.ч. и данные относительно реализации языковой преференциальной политики и статуса языка меньшинства, образующего ЭТА.

Юра (Швейцария). Из всех Швейцарских кантонов именно Юра представляет особый исследовательский интерес: это относительно новый субъект федерации, появившийся на политико-административной карте страны в 1979 г. в результате длительной борьбы франкофонов будущей Юры с немецкоязычным Берном, в состав которого эти земли и входили еще со времен Бургундских войн в XIV в. И. Петров пишет: «Кантон Юра <...> представляет собой самостоятельное суверенное государство в составе Швейцарии. Его официальное название: “Республика и кантон Юра” (“Republique et Canton du Jura”))» [9]. Следует отметить, что не только и не столько языковое различие стало причиной выделения нового кантона, но и конфессиональное противостояние: в результате Реформации Берн стал протестантским, в то время как франкофоны Юры сохранили верность католицизму.

Движение франкофонов Юры за самоопределение восходит к первой половине XIX в., чему способствовало переустройство политической карты Европы в результате наполеоновских войн и решений Венского конгресса в 1815 г., а также усиление процессов строительства (формирования) национальных государств в Европе и особенно во Франции. И. Петров отмечает: «Жители Юры, будучи под властью французов, глубоко впитали в себя либеральный дух “Кодекса Наполеона”» [9]. Тогда же в середине XIX в. немецкая община Берна в целях нейтрализации регионализма Юры объявила французский язык вторым официальным языком Берна.

Спустя столетие, в середине XX в. «в Юре образовалась организация «Ассамблея Юры», добивавшаяся создания независимого и суверенного франкофонного кантона» [16]. Под влиянием ее требований и акций ее террористического крыла «Фронт освобождения Юры» в 1970 г. стартовал процесс выделения Юры из состава Берна (референдумы в Берне 1 марта 1970 г. и 23 июня 1974 гг.; референдуме в семи общинах округа Юра 16 марта 1975 г.; швейцарский референдум 24 сентября 1978 г.). Фактически «развод» состоялся только в

1994 г., когда в марте представители Федерального совета Швейцарии, а также кантонов Берн и Юра подписали «Соглашение о кантоне Юра», закрепившее кантональные границы.

Следует отметить, что становление Швейцарии как национального государства изначально происходило как многоязычного. Н.Н. Ермакова отмечает, что «впервые правовое положение швейцарского многоязычия было закреплено Конституцией 1848 г.», которая в качестве национальных признала немецкий, французский и итальянский языки [2]. Ст. 70 швейцарской Конституции официальными языками признает немецкий, французский и итальянский. Кроме того, ретороманский язык официально признан средством общения центра с носителями этого языка. В 1996 г. швейцарский народ и кантоны приняли важные поправки к закону 116 об официальных языках страны. Наиболее значимой считается поправка о признании за ретороманским языком статуса официального, ограниченного, однако, внутригосударственным уровнем [6]. Эта же статья конституции дает право кантонам самостоятельно устанавливать перечень используемых официальных языков. Швейцария, подписав Европейскую конвенцию о правах человека, вынуждена соблюдать ст.14 конвенции, запрещающую дискриминацию по языковому принципу. Это нашло отражение в ст. 18 швейцарской Конституции (о гарантиях свободы выбора языка). Вместе с тем, как отмечает Клоков, «довольно слабо принцип свободы языкового выбора прописан в положениях об официальных языках кантонов <...> неясно, могут ли кантональные коммуны по своему усмотрению менять официальный статус языков на своей территории и должны ли они строго придерживаться результатов переписей населения» [6]. Иными словами, право выбора языка оказывается правом индивидуальным, а не коллективным.

Исследователи отмечают, что автономия швейцарских кантонов основана на языковой политике в сфере образования: такая роль политики в области образования обусловлена тем, что 95 % всех детей в Швейцарии обучаются в государственных учебных заведениях [30]. Кантоны вправе самостоятельно устанавливать язык, на котором ведется обучение в школах.

Кантон Юра является одним из 4 франкоязычных кантонов, в составе которого есть один муниципалитет с преимущественно германоязычным населением. Главным языком кантона, на котором ведется обучение на всех ступенях системы образования, – французский. Школьники и студенты имеют право изучения второго иностранного языка (как предмета), которым может быть либо один из национальных языков Швейцарии, либо, например, английский. Делопроизводство в Юре, как и в иных франкофонных кантонах страны, осуществляется на французском языке. Лингвистические границы Юры, равно как и иных кантонов Швейцарии, находят отражение и в масс-медиа [30].

Андхра Прадеш и Телангана (Индия). Индия, будучи экстра мультилингвальной страной [21, 19], в своей истории несколько раз столкнулась с фено-

меном борьбы за язык, в результате которой изменилось политико-административное устройство страны. Создание индийского штата Андхра Прадеш в 1953 г., равно как и его раздел в 2014 г., были связаны с борьбой за языки – телугу и урду¹. Если у телугу-говорящего населения Андхра Прадеша kin-state отсутствует, то в отношении территорий бывшего княжества Хайдабабад, где концентрированно проживает мусульманское и урду-говорящее население, можно говорить о связях со штатом Джамма и Кашмир и Пакистаном. Главная этническая группа штата Андхра Прадеш — телугу, основанием для выделения которой является язык телугу, доминирующий в лингвистической структуре штата и имеющий статус официального регионального языка². На телугу говорит порядка 83,88 % населения штата, а вторым по значимости языком является урду, носители которого составляют 8,63 % [19]. Фатихи отмечает, что урду билингвальны. Их двуязычие выше, чем среди иных этнических (языковых) групп: 50,5 % урду билингвальны, из них 38 % в качестве второго языка указывают телугу. Урду, по оценке Фатихи, является преимущественно языком городским и в период с 1971 по 1991 гг. демонстрировало стабильный рост (от 20 до 25 %). [29]. Его носители сконцентрированы в отдельных муниципалитетах разных округов штата, и во всех муниципальных районах столицы штата г. Хайдарабад. В последнем случае носители урду составляли, по данным переписи 2001 г., 38,9 % жителей, что коррелировало с численностью исламского населения в регионе³. Мусульмане в основном сконцентрированы в г. Хайдарабад и окружающих его 10 округах и составляли 39,4 % [29]. Таким образом, концентрация мусульман-носителей урду в районе Хайдарабад выступила дополнительным фактором выделения штата Телангана.

Когда в 1947 г. была провозглашена независимость Индии, правитель Хайдарабада (преимущественно территория современного штата Телангана) попытался объявить княжество суверенным государством, имея поддержку Пакистана. Однако в 1948 г. вооруженные силы Индии свергли правителя Хайдарабада, а само княжество вошло в состав Индии в статусе штата [8], что было закреплено Конституцией Индии в 1950 г. Отличаясь от других территорий нового государства лингвистически, жители Хайдарабада и провинции Андхра (как части штата Мандрас) артикулировали требования политико-институциональной субъектности (статус штата) и наделения г. Хайдарабад статусом ре-

¹ Язык телугу входит в группу дравидийских языков, в то время как язык урду является родственным хинди.

² Английский еще с колониальных времен и хинди после независимости являются государственными языками современной Индии. Остальные 22 языка имеют статус списочных официальных языков, признанных союзом на территории штатов.

³ По данным переписи 2011 г., религиозная структура населения штата характеризуется доминированием исповедующих индуизм (88,46 %), вторая по распространенности религия – ислам (9,56 %) [37].

гиональной столицы. В 1953 г. был принят закон о создании штата Андхра путем выделения из штата Мадрас округов с телугуговорящим населением, а в 1956 г. путем слияния штатов Хайдарабад и Андхра был создан новый штат [19]. Это административно-территориальное решение принималось по формуле «один штат – один язык». Новый штат Андхра Прадеш стал первым штатом Индии, выделенным исключительно по языковому признаку.

Комиссия по реорганизации штатов в 1956 г. рекомендовала сохранить штат Хайдарабад в качестве самостоятельной административной единицы, считая Андхра-Прадеш искусственным образованием. Искусственность была обусловлена как религиозными, так и лингвистическими различиями между преимущественно мусульманским урду-говорящим Хайдарабадом и индуистской телугу-говорящей Андхрой. «Понимая, как непросто складываются отношения между двумя частями нового штата, тогдашний премьер Джавахарлал Неру был вынужден признать: "Брак должен оговаривать и условия развода"» [13].

Борьба будущей Теланганы за независимость началась с акций протеста студентов Османского университета в Хайдарабаде (январь 1969 г.), переросшего в движение «Да здравствует Теленгана!», для подавления которого правительство Индиры Ганди ввело в Андхра Прадеше президентское правление [5].

В то время как телугу является официальным языком штата Андхра Прадеш, урду рассматривается как *дополнительный официальный язык* в 14 муниципальных районах, где носители урду составляют 15 % и более от всего местного населения [29]. Урду используется в этих муниципалитетах как второй официальный язык, прежде всего, в публично-правовой сфере: 1) язык используется для ответа на запросы, полученные от граждан и поданные на урду; 2) в муниципальных судах, а также при рассмотрении дел в Высоком Суде Андхра Прадеш при рассмотрении дел, переданных на апелляцию из нижестоящих инстанций в случае, если судопроизводство там велось на урду 9 (для этого сотрудники судов, прежде всего секретариат, должны владеть урду); 3) урду является официальным языком уголовно-процессуального кодекса в округах, Куддапа, Адилабад, Рангаредди (включая г. Хайдарабад), Каримнагар, Кхаммам, Махабубнагар, Медак, Налгонда, Низамабад, Варангал, Курнул, Анантапур, Гунтур¹; 4) работники администраций при приеме на работу обязаны продемонстрировать знание урду посредством экзамена. В районах, где носителей урду менее 15 %, язык может использоваться в качестве дополнительного для следующих целей: 1) организация тендеров на закупки всех видов работ, например, в департаментах содержания и строительства дорог; 2) извещение о торгах и общих вопросах, касающихся общественных интересов в службах и департаментах рыбного хозяйства; 3) извещение о торгах, размещаемых акциз-

¹ Только три последние из этих округов после административной реформы 2014 г. остались в составе Андхра Прадеша, а остальные составили новый штат Телангана.

ными службами; 4) извещения о размещении торгов службами департамента лесного хозяйства и управления ирригационными системами на уровне мандалов и ниже и т.п. [29]. Кроме того, решением правительства штата Андхра Прадеш было создано Управление по вопросам перевода, в функции которого входит перевод важных нормативно-правовых актов, положений и уведомлений на язык урду и языки других меньшинств.

В штате Андхра Прадеш институционализована т.н. трехязычная формула организации школьного образования: 1) телугу, тамильский, каннада, урду, ория, хинди и маратхи в качестве первого языка с 1- по 10-е классы; 2) телугу, хинди, тамильский, каннада, урду, маратхи, ория, и специальный английский в качестве второго языка с 8- по 10-е классы; 3) английский язык в качестве третьего языка с 5- по 10-е классы.

В начале XXI в. требования выделения Теланганы в отдельный штат стали раздаваться вновь, чему способствовали социально-экономические и политические факторы. На территории будущей Теланганы (составляет 41,7 % Андхра Прадеша) проживал 31 млн чел. (около 40 % населения штата Андхра Прадеш). Формируя до 60 % доходов бюджета, Андхра Прадеша, территория будущей Теланганы является сырьевым придатком и обеспечивает «материнский штат» водой, углем, электроэнергией и низкооплачиваемыми работниками [8]. В политическом отношении выходцы из Андхры монополизировали управление штатом и систему образования. «Из 49 тыс. местных чиновников лишь 7 тыс. – теланганцы. Если в Андхре 190,7 тыс. начальных школ и 1,2 млн учителей, то в Телангане – 73 тыс. школ и 0,3 млн учителей» [5]. Если в 1956 г. при формировании штата Андхра Прадеш значимым был преимущественно язык, то, как отмечает В. Кашин, в 2014 г. этот фактор был усилен межрегиональными диспропорциями [5]. Вторым фактором роста регионализма в начале XXI в. в Индии, в том числе и в Андхра Прадеш, стало появление в результате целенаправленной антидискриминационной политики второй половины XX в. новой экономической элиты (выходцев из непривилегированных каст). Новая экономическая элита стала одним из субъектов «регионалистской повестки». Фактором, катализировавшим регионалистский (сепаратистский) проект Теланганы, стали события, связанные с образованием новых штатов Чхаттисгарх, Уттаранчал и Джаркханд. Сторонником раздела Андхра Прадеш выступили и представители мусульманского сообщества, которые настаивали на том, чтобы при создании Андхра Прадеша в 1956 г. учитывался только языковой признак, но были проигнорированы такие важные факторы, как отсутствие общей истории, культуры и образа жизни населения двух областей [4].

Потребовалось несколько лет противостояния, акций протеста (с обеих сторон), трехсторонних переговоров и согласований, для того, чтобы в феврале 2014 г., в соответствии с Актом о реорганизации штата Андхра-Прадеш [42], принятым национальным парламентом Индии, из состава Андхра Прадеша в

новый, 29-й штат Телангана, были выделены 10 преимущественно мусульманских и урду-говорящих округов, на которых сконцентрированно проживает мусульманское и урду-говорящее население. В соответствии с Актом 2014 г. г. Хайдарабад сохранил статус столицы для обоих штатов на срок в 10 лет – на период не более десяти лет. Такой период был зарезервирован законодательством для строительства фактически новой столицы штата Андхра Прадеш в районе г. Виджаявада.

Регионалистские требования Теланганы сопровождались появлением и/или ростом популярности региональных партий, таких как «Национальный комитет Теланганы» (ТРС, популярна в Телангане) и «Партия Телугу» (ТДП, преимущественно популярна в Андхре). Региональный конфликт и способ его решения так или иначе нашли отражение в росте влияния региональных партий. По результатам общенациональных парламентских выборов в 2014 г. в округах, расположенных в штате Андхра Прадеш (включая территорию нового штата Телангана), некогда доминировавший Индийский национальный конгресс смог сохранить позиции только в двух округах, а общенациональная индуистская (правящая) Партия Бхаратия Джаната (БДП) получила поддержку только в 2 округах в Андхре [17]. Региональная партийная система в 2000-е гг. претерпела серьезные изменения, обусловленные сепаратистскими процессами в штате и борьбой за его раздел. Ведущие национальные партии – ИНК и БДП последовательно теряли свои позиции в конце 2000-х – первой половине 2010-х гг. как на общенациональных, так и на региональных выборах, а позиции двух ведущих региональных партий – ТДП и ТРС усиливались [20; 38].

Квебек (Канада). Для составляющих Канаду субъектов федерации характерен относительно одинаковый объем полномочий регионального правительства в государственном управлении [36]. Однако Квебек отличается от иных провинций Канады по объему полномочий в самоуправлении (policy). Например, Квебек автономен в вопросах миграционной политики: провинция имеет собственную иммиграционную программу [3]. Но, пожалуй, самыми сильными и политически значимыми преференциями, отличающими Квебек от иных провинций страны, являются преференции в области языка титульной группы – франкофонов. В Квебеке официальным признан только французский язык, в то время как в других регионах – английский и французский.

Для Канады, в целом, и для Квебека, в частности, в силу особенностей колониального прошлого, традиционен билингвизм. Принятая в 1867 г. Конституция хотя и «гарантировала определенный билингвизм в общественных организациях всей страны» [7, 63], но фактически французский язык долгое время был в подчиненном положении по отношению к английскому официальному, оставаясь преимущественно языком бытового общения. Лишь в конце 1960–1970-х гг. в результате серьезного общественного движения франкофонов Квебека французский язык де факто становится основным языком. Сначала в

1969 г. был принят закон об официальных языках (Official Languages Act), который «юридически закрепил равенство английского и французского языков в федеральных учреждениях и тем самым обеспечивал уважение языковых прав, гарантированных канадской Конституцией» [11], потом в 1974 г. был принят «Закон об официальных языках», а в 1977 г. – «Хартия французского языка». Эти и иные нормативные акты преследовали цель – «перейти от двуязычия к приоритетному использованию французского языка при равенстве двух языков и двух культур в рамках единой канадской нации» [7]. Для этого делалась ставка на имплементацию таких мер, которые бы обеспечили преимущественный монолингвизм на всех публично значимых аренах взаимодействия: принятие решений, управление, образование, экономика, масс-медиа и шоу-бизнес.

«Хартия французского языка» не только наделила его статусом официального и единственного языка Квебека, но фактически объявила английский миноритарным языком. В этом отношении, вероятно, ситуация с английским языком в Квебеке аналогична ситуации с финским языком на Аландах, где единственным официальным языком, в отличие от остальной части билингвальной Финляндии, является шведский [40]. Право пользования французским языком трактуется в «Хартии французского языка» как основное право граждан Квебека, в соответствии с которым «каждый имеет право общения с государственной администрацией, медицинскими учреждениями и учреждениями социального и коммунального обслуживания, производственными корпорациями, ассоциациями рабочих и служащих и со всеми деловыми фирмами на французском языке, <...> обладают правом получения информации и обслуживания на французском языке, <...> получить обучение на французском языке» [11].

Наиболее политически значимой оказалась ст. 73 Хартии французского языка, которая уточняла, что дети могут получать образование на английском языке, но фактически только в том случае, если их отец и мать обучались в Квебеке в английских школах [7, 64]. Такая формулировка одной из статей Хартии позволяет характеризовать языковую политику Квебека не только как политику прав на преференции, но «политику требований» к иным (в данном случае преимущественно англоговорящим канадцам, переехавшим из других провинций на жительство в Квебек) и иммигрантам. Вообще, Квебек в исследовательской литературе очень часто упоминается как пример крайне строгой и сильной преференциальной языковой политики [25]. Например, Р.Брубейкер, характеризуя ЯТР Квебека, отмечает, что региональное правительство фактически ограничивает право граждан на обучение в англоязычных школах, а также предъявляет ко всем прибывающим на территорию Квебека мигрантам требование обучаться французскому языку [25, 9]. С. Прокопьев отмечает, что, хотя «в соответствии с Хартией французского языка, ученики обязаны посещать французские школы <...> при выполнении определенных требований и получении специального разрешения дети могут ходить в англоязычную школу»,

кроме того, это «ограничение не распространяется на частные школы, не получающие субсидий от провинции, колледжи и университеты» [10]. Статус французского как основного официального языка Квебека обуславливает лишь относительный монолингвизм и в публично-правовом пространстве, и в сфере масс-медиа¹.

Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины (Босния и Герцеговина). Согласно конституции (Дейтонская Конституция 1995 г.) БиГ может быть охарактеризована как «мягкая» конфедерация, члены которой (энтитеты) – Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины – имеют относительно высокий уровень автономии в политической, экономической и других областях жизни. В RA1 энтитеты маркируются как стандартные. Есть различия в полноте полномочий в самоуправлении между Республикой Сербской и Федерацией Боснии и Герцеговины за счет того, что первая имеет унитарное устройство, а вторая, будучи федерацией, часть объема полномочий передает в соответствии с региональной конституцией на уровень пяти бошняцких кантонов, трех хорватских жупаний а также двух этнически смешанных кантонов.

Дейтонская конституция установила систему двойного гражданства, а также право энтитетов вести собственную внешнеполитическую деятельность и, тем самым, взаимодействовать с т.н. KIN-states. В частности, ст. 1.7 конституции, посвященная гражданству, гласит: «Гражданство Боснии и Герцеговины, регулируемое Парламентской Скупщиной, и гражданство каждого энтитета, регулируемое каждым энтитетом, определяются следующими условиями: а) все граждане любого из Энтитетов являются в силу этого гражданами Боснии и Герцеговины <...>; d) граждане Боснии и Герцеговины могут сохранить гражданство другого государства при условии, что между Боснией и Герцеговиной и соответствующим государством заключено двустороннее соглашение по этому вопросу, одобренное Парламентской Скупщиной в соответствии со статьей IV(4)». Федерация БиГ подписала соглашение о двойном гражданстве «с Хорватией в 1998 г., а Республика Сербская - с Союзной Республикой Югославией в 2001 г.» [12]. Эксперты отмечают, что, например, «Республика Сербская активно использует эту возможность для сотрудничества с Сербией» [32]. Такого рода институциональные решения только усиливают значимость тех преференций, которые этнические группы, образующие ЭТА, получают в области языка и культуры.

Боснийский, сербский, хорватский языки являются официальными языками страны. Современная лингвистика считает хорватский и сербский языки

¹ Согласно данным Национальной переписи 2011 г., 51,78 % квебекцев говорят только на французском; 0,47 % – только на английском; 42,59 % – билингвы, а 0,97 % не знают ни французского, ни английского языков [36].

самостоятельными родственными языками, а в случае с боснийским языком боснийские лингвисты настаивают, что это язык одной из трех государствообразующих этнических групп [14]. Ситуация с языками является одним из маркеров сложившихся крайне конфликтных отношений между этническими группами, энтитетами БиГ и объясняет характер фракционализации. Распад Югославии, последовавшее за этим не просто выделение БиГ, но формирование ее как федерации с сильными (с точки зрения политической автономии) энтитетами обусловили тренд на изменение статуса боснийского языка. «Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х гг. приняли самоназвание бошняки, в 1992 г. объявили о существовании боснийского языка (bosanski jezik), но хорваты и сербы выступили против этого глоттонима, основываясь на том, что язык, который нормируется на мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (бошняцкий – bošnjački), а не по территориальному (боснийский – bosanski). <...> хотя и оно оказывается территориально неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина» [14]. Таким образом, для сербов, хорватов, бошняков – граждан БиГ – хорватский, сербский и боснийский являются отдельными языками. Само право называть свой язык по этнониму для сербов и хорватов связано с их претензией на сохранение особого статуса и предпочтений.

Значимым последствием реализации Дейтонских мирных соглашений стала институционализация фактически сегрегированной системы образования в Боснии и Герцеговине. Пашалич-Креско отмечает, что Дейтонская конституция, установив крайне децентрализованную систему управления страной, подорвала единство политики в области образования, не сформировав единых образовательных целей, не определив общих ценностей, основанных на позитивных и патриотических чувствах к своей стране и родине» [34]. В Республике Сербской образование ведется на сербском языке, в то время как в Федерации Боснии и Герцеговины была установлена двойная (разделенная) система образования. В пяти бошняцких кантонах образование осуществляется на бошняцком языке; в трех хорватских жупаниях – на хорватском. А в смешанных кантонах создана сегрегированная образовательная система, воплощением которой стал феномен «двух школ под одной крышей». Такие школы имеют различные входы для детей из бошняцких, сербских или хорватских семей; школьный двор разделен на две части.

Фландрия и Валлония (Бельгия). Бельгия является примером федерации, состоящей из трех асимметричных (по RAI [38]) регионов, два из которых – Фландрия, Валлония – выделены по этнолингвистическому признаку. В установлении баланса между этническими группами (особенно фламандцами и валлонам) играет тот факт, что вопросы культуры, образования, СМИ, здравоохранения, молодежной политики относятся к компетенциям языковых сообществ. Собственно формирование Бельгии как сложноустроенной политики было обу-

словлено лингвистическим разнообразием страны: в 1970 г. под влиянием регионалистских требований, прежде всего Фландрии и в меньшей степени Валлонии, чей регионализм был «вынужденным» [15], Бельгия изменила свое административно-территориальное устройство с унитарного на федеративное.

Языковая политика в Бельгии была важнейшей частью государственной политики еще до реформы 1970 г. и стала одним из значимых предметов, который оказался в ведении федеральной конституции, которая в соответствии со ст.189 признает три государственных языка: фламандский, французский и немецкий. Еще в 1966 г. был принят Закон о языке, который касался правил использования языка в административных инстанциях. В коммунах, в соответствии с этим законом, в качестве рабочего языка местных администраций используется тот, на котором говорит большинство проживающего в их границах населения. Однако нюансы возникают в лингвистически пестрых муниципалитетах. Речь идет о правилах, в соответствии с которыми, носители миноритарных языков (например, немцы во валлонских или фламандских коммунах и наоборот) получают гарантии «языковых услуг» – право получения государственных услуг на своем языке [28, 67]. В связи с этим, ко всем государственным и муниципальным служащим предъявляется требование элементарного знания государственных языков.

Официально в Бельгии признаны три языка (по числу сообществ): акты, заявления, сертификаты и иные официальные документы, которые выдают органы государственной власти, должны быть подготовлены на том языке, который удобен для гражданина, запрашивающего подобный документ. Использование языка в судопроизводстве регулируется федеральным законодательством: суды используют язык той местности, в которой они расположены.

Входящие в состав Бельгии Фландрия и Валлония асимметричны по отношению к Брюсселю. Языковые предпочтения, данные первым двум, предполагают относительную их автономию в сфере языковой политики. В соответствии со ст. 129 Конституции коммуны Фландрии и Валлонии имеют право регулировать использование языка в публичной сфере и сфере трудовых отношений [28, 68].

В обеих ЭТА на уровне коммун власти вправе определять, какие языки должны преподаваться в школе. На основе этого решения выделяются субсидии школам. При этом есть правило, в соответствии с которым преподавание в начальной и средней школах осуществляется преимущественно на языке титульной группы [27] (Delague, et al., 2015). Речь идет о том, что учебные планы включают в себя иностранные языки (для фламандцев, например, таковым является французский или английский), но эти языки изучаются (т.е. являются предметом), а не языком преподавания. «Лишь в отдельных франко- и немецкоязычных коммунах внедрены учебные программы, где языком преподавания значительной части учебных дисциплин выступает второй язык» [28, 69].

Признания трех языков как государственных позволяет экспертам считать Бельгию многоязычной страной. Однако Деларуа и Де Калю указывают на то, что в современной Бельгии «лишь немногие граждане являются настоящими билингвами, а еще меньше тех, кто знает и свободно использует три языка» [27, 12]. Языковые диспропорции отражает и партийная политика, и, как следствие, это оказывает влияние на представительство этнолингвистических групп в региональных парламентах (во Фландрии преимущественно представлены фламандские партии, а в Валлонии – валлонские).

* * *

Анализ восьми ЭТА в пяти этнических федерациях показал, что сила ЯТР не зависит от исторического прошлого: как в случаях этнических федераций, возникших в условиях посколониализма (БиГ, Индия, Канада), так и иных случаях (Бельгия, Швейцария), обнаружены преимущественно сильные режимы. Более того, ни в одной из ЭТА не сформировался слабый ЯТР. Вероятно, одной из причин отсутствия подобных случаев является сама природа этих федераций: этническое разнообразие этих стран, в основе которого лежит языковое разнообразие, делает языковую преференциальную политику основополагающим элементом ЭТА. Более того, значимым представляется наблюдение за тем, что ни время появления, ни собственно «продолжительность жизни» ЭТА не способствуют усилению ЯТР, равно как неважным оказалось и то, является ли этническая федерация полной или же частичной и есть ли у титульной этнолингвистической группы ЭТА kin-state.

Примеры борьбы регионов за язык свидетельствуют о том, что именно борьба за язык становится фактором политико-административного формирования и/или переустройства этнических федераций. В случае швейцарской Юры ЯТР является сильным, что обусловлено статусом французского языка, который признан наряду с немецким, итальянским и ретороманским одним из государственных языков страны и относительно строгой территориальной концентрацией этнолингвистических групп.

На территории Индии фактическим *lingua franca* со времен колониализма был английский, а статусом государственного языка обладает хинди. Список официальных языков Индии устанавливается конституционно и время от времени в этот список вносятся поправки (последние изменения были внесены в 2007 г.). В настоящее время в Индии 22 так называемых «списочных языка» (lists the official languages of the Republic of India). Комплексность образовательной системы Андхра Прадеша с точки зрения обучения языку обусловлена как мультилингвальной структурой регионального сообщества, так и политико-правовым статусом телугу, урду и других миноритарных языков (определяемым федеральным законодательством), что является проявлением характерной для Индии традиции федерального вмешательства в дела штатов.

Примеры Квебека, а также Фландрии и Валлонии являются наиболее показательными случаями функционирования сильного ЯТР в билингвальной (Канада) или трилингвальной (Бельгия) стране. Сила режима в этих случаях обусловлена государственным статусом языка титульной группы ЭТА, что закреплено как на региональном, так и на федеральном уровне. В этот ряд регионов с сильным ЯТР формально вписываются и случаи этнитетов Боснии и Герцеговины. Однако представляется необходимым отметить, что языковая политика в современной Боснии и Герцеговине направлена не столько на создание условий, способствующих сохранению этнических меньшинств, сколько является символическим инструментом поддержания баланса для хорватов, сербов и бошняков. При этом последние стремятся изменить установленный Дейтонскими соглашениями 1995 г. и ратификацией Европейской Хартией региональных языков и языков меньшинств баланс в пользу превращения боснийского языка в интегрирующий государствообразующий. В этом случае, как представляется, происходит отказ от преференциальной языковой политики как механизма power-sharing.

Все восемь случаев указывают на то, что институционализация и сила ЯТР связаны со структурными характеристиками ЭТА: весом титульной для ЭТА этнической группы и характером лингвистической фракционализации.

Библиографический список

1. Андхра-Прадеш. «Джентльменский» штат Индии / Планета Земля. Виртуальное путешествие. [Электронный ресурс]. URL: <http://geosfera.org/aziya/indiya/1861-andhra-pradesh.html> (дата обращения: 30.05.2016).
2. *Ермакова Н.* Языковая политика Швейцарии // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014.
3. Иммиграция в Квебек / Canada.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.canada.ru/imm/kinds/kvebek.html> (дата обращения: 29.08.2016).
4. Индийские мусульмане просят создать из области Телангана отдельный штат / VSESMI.RU. 20.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsesmi.ru/news/4041392/> (дата обращения: 02.05.2016).
5. *Кашин В.* «Штатомания» в Индии: опыт Теланганы и Гуркхаленда / Индия: Перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты. М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. С. 32–56.
6. *Клоков В.* Развитие и применение языкового права в Швейцарии // Известия Саратовского университета. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. № 1 (9). С. 30–35.
7. *Кожмякина В.* Особенности языковой политики Квебека // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (100). С. 62–67.

8. *Кузьменко В.* Самостоятельная Телангана / Русская планета. 2.06. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusplt.ru/world/samostoyatel'naya-telangana-10225.html#> (дата обращения: 02.05.2016).
9. *Петров И.* Сепаратизм по-швейцарски // Вестник Европы. 2005. № 13–14.
10. *Проконьев С.* Особенности системы образования в канадской провинции Квебек // Россия и Америка в XXI веке. 2013. № 3.
11. *Смирнова О.* Языковая политика Канады: этапы становления и современное состояние / Регионоведение: теория и практика (материалы научного семинара). Изд-во Медина, 2009.
12. *Соколова Е.* Босния и Герцеговина: опыт несuverенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007 № 6(56). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/so13.html> (дата обращения: 18.08.2015).
13. *Строкань С.* Индия перерисовывает свою карту // Коммерсантъ. 2013. 6 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2248906> (дата обращения: 02.05.2016).
14. *Тошович Б.* Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому [Электронный ресурс]. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no25_ses/contents.html (дата обращения: 02.09.2015).
15. *Шевцова И.* Феномен вынужденного регионализма в современной Европе: случай Валлонии: автореф. ... к.полит.н. Пермь: Перм. ун-т, 2009.
16. Юра. Кантон Швейцарии. / Планета Земля. Историческая география. [Электронный ресурс]. URL: <http://geosfera.org/evropa/shvejcariya/1141-yura-kanton-shveycarii.html> (дата обращения: 28.06.2016).
17. 2014 India Elections / Reuters Graphics. [Online]. URL: http://graphics.thomsonreuters.com/14/05/india_elections/index.html (Retrieved: 03.05.2016).
18. *Anderson L.* Ethnofederalism: The Worst Form of Institutional Arrangement // International Security. 2014. Vol.39. Issue 1. Pp. 165–204.
19. Andhra Pradesh / Department of Panchayati Raj-Andhra Pradesh (2015) [Online]. URL: <http://www.appr.gov.in/> (Retrieved: 03.05.2016).
20. Andhra Pradesh General Election Results / Maps of India. [Online]. URL: <http://www.mapsofindia.com/parliamentaryconstituencies/andhrapradesh/general-election-results.html> (Retrieved: 03.05.2016).
21. *Arora B.* India / Diversity and Unity in Federal Countries / eds. Moreno L., Colono C. and Kincaid J. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2010.
22. *Borisova N. and Sulimov K.* Linguistic Territorial Regimes in Multi-lingual Ethnic Territorial Autonomies [Article. Non published].
23. *Bormann N.-Ch., Cederman L.-E. and Vogt M.* Language, Religion and Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2015. August. Pp. 1–28.

24. *Brubaker R.* Language, religion and the politics of difference // Nations and Nationalism. 2013. Vol. 19. Issue 1. Pp. 1–20.
25. *Cardinal L.* Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper No. 02. Helsinki: RECODE, February 2012.
26. *Carla A.* Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. 2007. June. Vol. 6. Issue 2. Pp. 285–313.
27. *Delarue St. and De Caluwe J.* Eliminating social inequality by reinforcing standard language ideology? Language policy for Dutch in Flemish schools. // Current Issues in Language Planning. 2015. April. Vol. 16. Issue 1–2. Pp. 8–25.
28. *Delmartino F. , Dumont H. and van Drooghenbroeck S.* Kingdom of Belgium /Diversity and Unity in Federal Countries / eds. Moreno L., Colono C. and Kincaid J. Montreal & Kingston: McGill-Queen’s University Press, 2010.
29. *Fatih A. R.* Urdu in Andhra Pradesh / Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2003. Vol. 3.
30. *Fleiner T. and Hertig M.* Swiss Confederation / Diversity and Unity in Federal Countries / eds. Moreno L., Colono C. and Kincaid J. Montreal & Kingston: McGill-Queen’s University Press, 2010.
31. *Horowitz D.* Ethnic Group in Conflict. Berkley: University of California Press, 1985.
32. *Kivimäki T., Kramer M., Pasch P.* The Dynamics of Conflict in the Multi-ethnic State of Bosnia and Herzegovina. Sarajevo, 2012. P. 18. [Online]. URL: http://www.fes.de/gpol/en/publ_conflictprev.php (Retrieved: 29.09.2015).
33. *Liu A.* Standardizing diversity: the political economy of language regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.
34. *Pašalić-Kreso A.* The war and post-war impact on the educational system of Bosnia and Herzegovina // International Review of Education. 2009. Vol. 55. Issue 1–2 Pp. 67–88.
35. *Patten A.* Political Theory and Language Policy // Political Theory. 2001. Vol. 29. Issue 5. Pp. 691–715.
36. Population by knowledge of official language, by province and territory. Census 2011/ Statistics Canada. February 13, 2013. [Online]. URL: <http://www.statcan.gc.ca/tables-tableaux/sum-som/l01/cst01/demo15-eng.htm>. (Retrieved: 29.08.2016).
37. Population Enumeration Data. Census of India 2011. [Online]. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html (Retrieved: 28.08.2016).
38. Regional Authority Index [Online]. URL: http://www.unc.edu/~gwmaks/data_ra.php (Retrieved: 08.11.2015).
39. Religion PCA. Census of India 2011. [Online]. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html (Retrieved: 01.05.2016).

40. *Silverström S.* Åland in the European Union / Europe Information, Ministry for Foreign Affairs of Finland. 2013.
41. Statistical reports of general elections to state legislative assembly (Vidhansbha) / Election Commission of India [Online]. URL: http://eci.nic.in/eci_main1/ElectionStatistics.aspx (Retrieved: 03.05.2016).
42. The Andhra Pradesh Reorganization Act, 2014 / AP Legislature. [Online]. URL: <http://www.aplegislature.org/documents/12524/17895/APRegACT2014.pdf/8505fe86-f67b-41a7-ac8f-571f58090586> (Retrieved: 02.05.2016).
43. *Williams C.* Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. 2013. Vol. 23. Issue 1. Pp. 101–122.

LANGUAGE TERRITORIAL REGIMES IN ETHNIC FEDERATIONS

N. V. Borisova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science,
Perm State University

The struggle for a mother tongue as a medium is caused by the problem of survival of an ethnic group that perceives its language situation as discriminated. It politicizes language and refers us to the research problem of the balance between ethnic minority claims to the autonomy and territorial integrity of a state. In the case of an ethnic federation, the solution of this problem is to redesign the territorial and administrative structure by the separation of a new sub-federal state, transformation of internal boundaries or changing the capacity and scope of preferences for selected regions that get the status of an ethnic territorial autonomy. More often than not, the set of these measures includes language preferential policy. The institutionalized preferential language policy sets language territorial regimes various in their strength. The idea of classifying them into three types is verified by the example of eight ethnic territorial autonomies in five ethnic federations (Wallonia and Flanders in Belgium, Quebec in Canada, the Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina in Bosnia and Herzegovina, Andhra Pradesh and Telangana in India, and Jura in Switzerland).

Keywords: language preferential policy; language territorial regime; ethnic territorial autonomy; ethnic federation.

References:

1. *Andhra-Pradesh. "Gentleman" State in India / The Planet of Earth. Virtual tour.* Available at: <http://geosfera.org/aziya/indiya/1861-andhra-pradesh.html> (accessed 30.05.2016). (In Rus.).
2. Ermakova N. Language Policy in Switzerland. *Language Policy and Language Conflicts in the Contemporary World.* Moscow, 2014. (In Rus.).
3. *Immigration to Quebec / Canada.ru.* Available at: <http://www.canada.ru/imm/kinds/kvebek.html> (accessed 29.08.2016). (In Rus.).
4. *Indian muslims ask to create a new state of Telangana / VSESMI.RU.* 20.04.2010. Available at: <http://www.vsesmi.ru/news/4041392/> (accessed 02.05.2016). (In Rus.).
5. Kashin V. "Obsession" with New States in India: The case of Telangana and Gurkhaland. *India: Contemporary Development Prospects. Internal, Regional and Global Aspects.* Moscow, IFES RAS Publ., 2013. P. 32–56. (In Rus.).
6. Klokov V. Development and Implementation of the Language Legislation in Switzerland. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism.* 2009. № 1(9). P. 30–35. (In Rus.).
7. Kozhemyakina V. On the Specifics of Quebec's Language Policy. *Almanac of Modern Science and Education.* 2015. № 10(100). P. 62–67. (In Rus.).
8. Kuz'menko V. *Autonomous Telangana / Russian Planet.* 02.06.2014. Available at: <http://rusplt.ru/world/samostoyatel'naya-telangana-10225.html#> (accessed 02.05.2016). (In Rus.).
9. Petrov I. Separatism in Swiss. *Herald of Europe.* 2005. № 13–14. (In Rus.).
10. Prokop'ev S. On Specifics of the Educational System in Quebec. *Russia and America in the 21st century.* 2013. № 3. (In Rus.).
11. Smirnova O. *Language Policy in Canada: Timeline and Current Status. Regional Studies: Theory and Practice (Workshop Papers).* Medina Publ., 2009. (In Rus.).
12. Sokolova E. *Bosnia and Herzegovina: the Experience of Non-Sovereign Democracy.* Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/so13.html> (accessed 18.08.2015). (In Rus.).
13. Strokan' S. India is Redrawing Its Map. *Kommersant.* 06.08.2013. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2248906> (accessed 02.05.2016). (In Rus.).
14. Toshovich B. *On Specifics of Bosanski/Bošnjački Language in Relation to Serbian and Croatian Languages.* Available at: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no25_ses/contents.html (accessed 02.09.2015). (In Rus.).
15. Shevtsova I. *The Phenomenon of "Forced Regionalism in Contemporary Europe: the Case of Wallonia.* Abstract of Cand. polit. sci. diss. Perm, Perm State University Publ., 2009. (In Rus.).

16. *Yura. Swiss Canton / The Planet of Earth. Historical Geography.* Available at: <http://geosfera.org/evropa/shvejcariya/1141-yura-kanton-shveyarii.html> (accessed 28.06.2016). (In Rus.).
17. *India Elections 2014 / Reuters Graphics.* Available at: http://graphics.thomsonreuters.com/14/05/india_elections/index.html (accessed 03.05.2016). (In English).
18. Anderson L. Ethnofederalism: The Worst Form of Institutional Arrangement. *International Security.* 2014. Vol.39. Iss. 1. P. 165–204. (In English).
19. *Andhra Pradesh / Department of Panchayati Raj-Andhra Pradesh (2015).* Available at: <http://www.appr.gov.in/> (accessed 03.05.2016). (In English).
20. *Andhra Pradesh General Election Results / Maps of India.* Available at: <http://www.mapsofindia.com/parliamentaryconstituencies/andhrapradesh/general-election-results.html> (accessed 03.05 2016). (In English).
21. Arora B. *India / Diversity and Unity in Federal Countries / eds. Moreno L., Colono C. and Kincaid J. Montreal & Kingston, McGill-Queen's University Press, 2010.* (In English).
22. Borisova N., Sulimov K. *Linguistic Territorial Regimes in Multi-Lingual Ethnic Territorial Autonomies [Unpublished].* (In English).
23. Bormann N.-Ch., Cederman L.-E. and Vogt M. Language, Religion and Civil War. *Journal of Conflict Resolution.* 2015. August. P. 1–28. (In English).
24. Brubaker R. Language, religion and the politics of difference. *Nations and Nationalism.* 2013. Vol. 19. Issue 1. P. 1–20. (In English).
25. Cardinal L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? *Working Paper Series No. 02.* Helsinki, RECODE. February 2012. (In English).
26. Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano. *Ethnopolitics.* 2007. June. Vol. 6. Iss. 2. P. 285–313. (In English).
27. Delarue St. and De Caluwe J. Eliminating social inequality by reinforcing standard language ideology? Language policy for Dutch in Flemish schools. *Current Issues in Language Planning.* 2015. April. Vol. 16. Iss. 1–2. P. 8–25. (In English).
28. Delmartino F. , Dumont H. and van Drooghenbroeck S. Kingdom of Belgium. *Diversity and Unity in Federal Countries.* Ed. by Moreno L., Colono C. and Kincaid J. Montreal & Kingston, McGill-Queen's University Press, 2010. (In English).
29. Fatihi A. R. Urdu in Andhra Pradesh. *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow.* 2003. Vol. 3. (In English).
30. Fleiner T. and Hertig M. Swiss Confederation. *Diversity and Unity in Federal Countries.* Ed. by Moreno L., Colono C. and Kincaid J. Montreal & Kingston, McGill-Queen's University Press, 2010. (In English).

31. Horowitz D. *Ethnic Group in Conflict*. Berkley, University of California Press, 1985. (In English).
32. Kivimäki T., Kramer M., Pasch P. *The Dynamics of Conflict in the Multi-Ethnic State of Bosnia and Herzegovina*. Sarajevo, 2012. P. 18. Available at: http://www.fes.de/gpol/en/publ_conflictprev.php (accessed 29.09.2015). (In English).
33. Liu A. *Standardizing diversity: the political economy of language regimes*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2015. (In English).
34. Pašalić-Kreso A. The war and post-war impact on the educational system of Bosnia and Herzegovina. *International Review of Education*. 2009. Vol. 55. Issue 1–2. P. 67–88. (In English).
35. Patten A. Political Theory and Language Policy. *Political Theory*. 2001. Vol. 29. Issue 5. P. 691–715. (In English).
36. Population by knowledge of official language, by province and territory. Census 2011/ *Statistics Canada*. February 13, 2013. Available at: <http://www.statcan.gc.ca/tables-tableaux/sum-som/l01/cst01/demo15-eng.htm> (accessed 29.08.2016). (In English).
37. Population Enumeration Data. Census of India 2011. Available at: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html (accessed 28.08.2016). (In English).
38. Regional Authority Index. Available at: http://www.unc.edu/~gwm/marks/data_ra.php (accessed 08.11.2015). (In English).
39. Religion PCA. Census of India 2011. Available at: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html (accessed 01.05.2016). (In English).
40. Silverström S. Åland in the European Union / *Europe Information, Ministry for Foreign Affairs of Finland*. 2013. (In English).
41. Statistical reports of general elections to state legislative assembly (Vidhansbha) / *Election Commission of India*. Available at: http://eci.nic.in/eci_main1/ElectionStatistics.aspx (accessed 03.05.2016). (In English).
42. The Andhra Pradesh Reorganization Act, 2014 / *AP Legislature*. Available at: <http://www.aplegislature.org/documents/12524/17895/APRegACT2014.pdf/8505fe86-f67b-41a7-ac8f-571f58090586> (accessed 02.05.2016). (In English).
43. Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn in Official Minority Language Regimes. *Regional and Federal Studies*. 2013. Vol. 23. Iss. 1. P. 101–122. (In English).